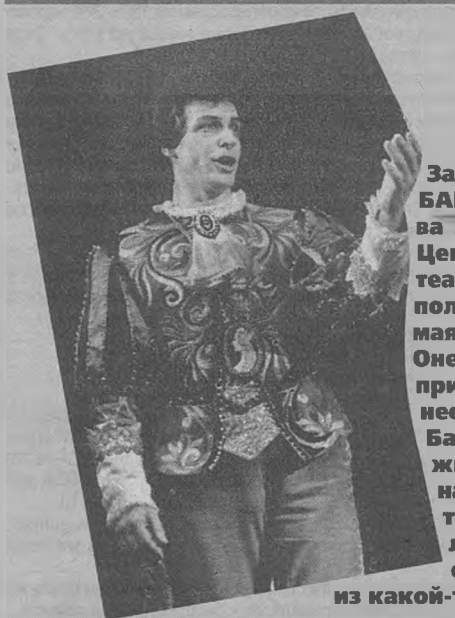

Валерий БАРСКИЙ: АКТЕР БЕЗ ВНИМАНИЯ ВЯНЕТ

Заслуженный артист России Валерий БАРСКИЙ хорошо знаком зрителям едва ли не по всем оперным спектаклям Центрального детского музыкального театра имени Н. Сац, в которых он исполняет ведущие партии. Самая любимая роль певца - Ленский в "Евгении Онегине" П. Чайковского: образ этот, по признанию Валерия Михайловича, ему необычайно близок.

Барский - явный романтик, на сцене и в жизни. Коллеги же по театру за глаза называют его принцем. Ничего удивительного: неизменно обаятельный, галантный, с лучезарной улыбкой, он словно и впрямь только что явился из какой-то доброй сказки.

- Валерий Михайлович, вы росли в театральной семье?
- Всегда нет. Мой отец был инженером, мама работала секретарем в облсовпрофе в Туле. Сам я туляк. И хотя по материнской линии в нашем роду были профессиональные певцы (родные братья моей бабушки), в детстве я никогда не участвовал ни в какой самодеятельности и вообще не собирался петь: мечтал или пойти по стопам отца и поучиться профессии радиоинженера, или стать летчиком. В итоге после школы поступил в Качинское высшее военное авиационное училище. Правда, проучился там немного - не понравилось.

- Что именно вам не понравилось?
- Армейские взаимоотношения, скажем так. Я был воспитан на фильмах типа "Валерий Чкалов" и подсознательно верил, что так же все будет и в реальной жизни. Перед поступлением в училище даже ездил на родину Валерия Павловича. Там, в Чкаловске под Нижним Новгородом, видел самолет, на котором он совершил свой знаменитый перелет в Америку, окровавленную одежду, в которой он разбился. Ну а потом... романтика быстро испарилась. Увидел правду жизни, грубость, а зачастую и тушью командиров. Словом, всю жизнь оставаться в той среде не захотелось. Сейчас думаю, что это дело просто оказалось не моим.

- Вы ушли из училища и...
- Попал в армию. На срочную службу. Сейчас ребята не хотят служить, тогда же к армии было совсем другое отношение. И я бы просто считал себя неполноценным человеком, если бы не отслужил в рядах Вооруженных сил. И кстати, никогда не испытывал там на себе ничего плохого: слышал, что где-то была дедовщина, но никогда не чувствовал никакого унижения и не наблюдал ничего подобного вокруг. Впрочем, мне повезло. Я попал в Группу советских войск в Германии. Более того, в ансамбль песни и пляски Второй гвардейской танковой армии.

Помню, прибыли мы на место назначения, выстроили нас всех как положено, и стали распределять по частям. Вдруг по радио объявляют: кто поет, танцует, играет на музыкальных инструментах - выйти к трибуне. Ребята мне и говорят: "Ты же хотел себя похвалить, давай иди". Пошел. Завели нас в небольшой автобус. Смотрю, баянист сидит. Капитан спрашивает: "Что вы нам споете?" А я перед зрителями еще никогда не выступал, так, только для себя пел. И тут понимаю, что помню только "Подмосковные вечера", да и то один куплет. Меня послушали, попросили спеть тональностью повыше и сказали, что подхожу. Вернулся обратно в строй, стою, уже много времени прошло. Думаю, все забыли про меня. Вдруг смотрю - тот самый капитан ходит, ищет кого-то: "Кто Барский?" - "Я Барский". Снова меня заводят в тот же автобус и выдают большой целлофановый пакет разной немецкой выпечки. Очень вкусно. И уже официально объявляют, что я зачислен в армейский ансамбль песни и пляски. И с этого момента началась моя профессиональная работа.

Поначалу не очень получалось, даже охрип, потому что приходилось все время тянуться за профессиональными исполнителями. Но потом голос восстановился, более опытные ребята подсказывали какие-то секреты, кто-то из вокалистов даже пробовал заниматься со мной. И так потихоньку дело пошло.

- Где выступал ансамбль, в котором вы служили?
- Во всех частях Второй танковой армии. Выезжали в наши части в Польшу. Ну а кроме того, давали концерты и немцам, почему нас и называли неофициально ансамблем "Дружба". Немцы, кстати, нас прекрасно принимали. С одной стороны, такие армейские ансамбли, как наш, явля-

лись как бы уменьшенной копией Ансамбля имени Александрова. Но с другой - репертуар наш был шире: помимо солдат срочной службы в нем выступали и сверхсрочники, и вольнонаемные люди. Был даже один такой вольнонаемный фокусник - я ему помогал и научился разным фокусам. Некоторые из них потом пригодились и в театре.

- Любопытно. Не расскажете?

- Ну вот простой пример. Одно время у нас в Детском музыкальном шла замечательная опера "Свинопас" по сказке Андерсена. И там по ходу действия, если помните, должен сам по себе начать дымиться горшочек. Делается на самом деле все просто: заранее бросаешь в этот горшок кусочки сухого льда, потом накрываешь рукой и оттуда идет пар. Дети всегда приходили в восторг. Или фокус, на который обычно "покупалась" публика в Германии. Как из одной бутылки водки налить несколько разных напитков? Берутся чистые рюмки, на дне - кристаллики пищевых красителей. Первый зритель пробует: водка. Второй: коньяк. Третий: виски. И никто ничего не понимает, все искренне удивляются. То есть самое главное - дать человеку нужный повод.

- И впрямь забавно. Но если вернуться к вашей карьере певца: решение избрать ее пришло в ансамбле?

- Трудно сказать. Хотя я тогда уже и стал исполнять сольные вещи, еще не был до конца уверен в себе. Когда демобилизовался, хотел поступать в политехнический, но мой дядя, баритон, прослушал меня и сказал: "Не теряй время, давай в наш хор. Год попоешь, а там определишься". Он выступал в Тульском хоре, которым тогда руководил замечательный дирижер Михайловский. Каюсь, не помню его имени. Он прослушал меня и взял на работу. А через год я решил поступать в Московскую консерваторию. Но у меня не было музыкального образования, и поэтому надо было два года заниматься на подготовительном отделении. Мне показалось, что это слишком долго. Пришел в ГИТИС, сдал все экзамены, но не добрал баллы. Хотя, на мой взгляд, пел профессиональнее многих из тех, кто поступил. Пришлось еще год работать в хоре, а потом все-таки меня приняли в ГИТИС на отделение музыкального театра.

Мне очень повезло: с нами занимался Михаил Федорович Дунин, великолепный режиссер и педагог - лучшего педагога я еще не встречал. Именно благодаря ему я и состоялся как артист. Дело в том, что, переходя на третий курс, я вдруг почувствовал свою профнепригодность. Ну не давалось мне актерское мастерство, и все тут. Дунин понял и сказал: "Не волнуйся, деточка, я с тобой сейчас позанимаюсь, и у тебя все пойдет". И действительно, я сдал экзамен, он поставил мне по актерскому мастерству пятерку (явно, конечно, напугнул), но после этого я раскрепостился и стал довольно успешно выступать. На пятом курсе пел Рауля в "Фигаро Монмартра", а моя жена Людмила пела Нинон. Потом ее взяли в Московский театр оперетты. Меня тоже туда приглашали, но Наталья Ильинична Сац сделала все, чтобы я остался у нее.

- То есть разлучили вас с женой?

- Разлучили (смеется). Наталья Ильинична, кстати, потом уже, спустя много лет, говорила: "Это благодаря мне вы работаете в разных театрах". И знаете, она и в этом оказалась права. Когда люди работают в одной труппе, возникает много нюансов, которые мешают семейному счастью. Ведь на сцене ты должен играть правдиво, хотя тут же любовь, не так ли? И когда жена приходит на спектакли, я чувствую, что выступаю хуже. Поэтому считаю, что в конце концов все сложилось к лучшему.

- И все-таки детский театр - особое призвание. Вы

сразу почувствовали, что можете и хотите работать здесь?

- Когда после прослушивания Наталья Ильинична спросила: "Ну что, вы останетесь у нас в театре?", я ответил: "Не знаю, если жену возьмут в Театр оперетты, останусь, если нет, мы уедем". У нас были приглашения в Нижний Новгород и Сыктывкар. Там сразу давали главные партии, а тут я еще не знал, как все сложится. Но теперь понимаю, что по-настоящему творчески вырасти мог только в Детском музыкальном. Хотя наш театр не так популярен, не так, выражаясь современным языком, раскручен, как многие другие, здесь собраны мощные кадры, и здесь всегда держат планку, что очень важно.

Вообще же детский театр действительно очень специфичен, и работать в нем может далеко не каждый. Требуется немалое актерское мастерство для того, чтобы сыграть того же козла, зайца или волка. Ведь актер должен влезть в шкуру изображаемого зверя, с его пластикой, мимикой, укладом жизни. Но при этом донести и человеческие чувства, которые непременно заложены в драматургии того или иного произведения. К тому же есть масса особенностей. Для чего композитор пишет верхние ноты? Не просто для красоты - они выражают высшее эмоциональное напряжение, которое переживает тот или иной персонаж. И вот представьте, что высокую ноту надо взять не так, как это делает классический оперный певец, а часто в полускрученном состоянии, лежа, иногда просто на ушах. При этом Наталья Ильинична всегда требовала качества звучания. Она любила повторять, что наш театр - оперный.

- Во взрослый театр тем не менее вас никогда не тянуло перейти?

- Желание выступать во взрослом театре остается всегда. Знаете, почему? Актер не может существовать в неизвестности. Когда его не знают, им не интересуются - он вянет. И нам, артистам детского театра, не хватает именно внимания, серьезного отношения к нашему творчеству. На том же телеэкране вы не увидите никого из Детского музыкального, хотя у нас работают люди гораздо более достойные, умные, глубокие, чем многие из тех, кто заполняет собой эфирное время. Что нас спасает, дает стимул к творчеству? Наверное, детские глаза, которые никогда не лгут. Ничего не может быть более откровенного, чем сердце и душа ребенка. Когда мальчики и девочки выходят после спектакля на сцену с цветами, они стараются подарить их тому актеру, который им понравился. И потом еще долго живешь с послевкусием, что ты нужен. А так, откровенно говоря, надежды никакой.

- Сегодня, к сожалению, большое искусство не в особом почете...

- И это очень печально. Кстати, я в последнее время совсем перестал ходить в театры. Неинтересно. Сразу вижу фальшь, нарочитость. Не могу смотреть современные фильмы, но с удовольствием смотрю старые, какими бы наивными и примитивными по сюжету они ни были. Поэтому что там вижу лица, а на современном экране, простите

за грубость, рожи. А тексты? "Ну, ты, блин, в натуре!" и так далее. Тут есть и еще один аспект. Ведь вкус воспитывается не только со стороны сцены, но и из зрительного зала. Мы же предлагаем продукцию, которую публика потребляет. И если эта продукция недостаточно качественная, образованный, понимающий человек ее отвергнет. А сейчас происходит зачастую совсем иное: зрители "кушают" все, что бы им ни предложили.

- Валерий Михайлович, если вы не против, отвлечемся немного от грустной темы. Итак, вы и ваша жена - люди театра. Как предпочитаете отдыхать, расслабляться?

- У меня прекрасная дочь Аня, в прошлом году она окончила иняз, свободно владеет французским и английским, играет на фортепиано, переводит стихи французских поэтов разных эпох. Мой лучший напарник. Мы с ней вдвоем садимся в машину (жена не очень такой отдых любит) и едем, чаще всего на Оку. Палатка на берегу, надувная лодка, рыбалка. Не люблю дома отдыхать, санатории. Просто терпеть их не могу - мне нужна полная свобода. При этом предпочитаю именно нашу природу, лес с грибами, ключ бьет из земли, и этот воздух после дождя, эти запахи. Скажем, от моря я устаю, мне необходимо более камерное пространство. Точно так же не люблю большие компании, люблю, когда собираются близкие друзья, - тогда это отдых для души.

А еще люблю сам дома все делать своими руками. Разумеется, с помощью жены - тут без нее ни за что не берусь. Недавно выложил плиткой кухню и ванную, вытяжки провел, трубы в стену убрал. Все содрогался: не залить бы соседей, не обошлось. В коридоре стены порезал, сделал раздвижные двери, которые убираются за холодильник, причем они выложены мозаичным стеклом, и выходит, будто стена украшена мозаикой.

- Да вы просто дизайнер! Как на все это хватает времени и сил?

- Я не думаю, что у меня есть какое-то особое дизайнерское видение, - настоящие художники ощущают пространство гораздо оригинальнее, я часто занимаюсь какие-то находки у других. Что касается времени... Очевидно, даже в театре мне не хватает самовыражения, и такая работа - компенсация энергии, которую я недовыплеснул. Когда что-то сделаю хорошо, получаю эстетическое наслаждение, если что-то не удалось, испытываю дискомфорт, словно слышу фальшивую ноту. И тут же стараюсь устранить недоделку. Иногда такая домашняя перестройка помогает справиться с внутренней депрессией.

Недавно у меня был очень тяжелый период, когда я потерял сразу отца и мать. До сих пор в себя еще по-настоящему не пришел. Вернулся из Тулы - что делать, не знаю, петь не могу, репетиции не идут как следует. Так я буквально за два дня выровнял пол в кухне, залил цементом, положил плитку. Могу в таких случаях взять велосипед и поехать в Крылатское купаться. Кстати, раньше я очень много занимался спортом и купался до декабря.

- Моржевали?

- Да, именно моржевал, много времени уделял спортивной гимнастике. И это мне очень помогло: до сих пор могу выйти в "Маугли" в набедренной повязке и отработать весь спектакль в большом напряжении - не только вокальным, но и физическим. Убежден, что внешняя форма и внутреннее содержание всегда должны быть в гармонии. Это, по сути, аксиома. И сцена требует того же. Если внешность актера не соответствует образу, это мешает и ему, и тем более зрителю. Вокалисты нередко заявляют: для того чтобы петь, надо набрать массу. Чувствую. Самая настоящая глупость. У Козловского никогда не наблюдалось живота, у Лемешева тоже - кстати, ему уже было за семьдесят, когда он пел Ленского. Я слышал один из его последних спектаклей. Обаяния море! Поэтому я за то, чтобы актеры всегда держали себя в форме.

Беседу вел **Марина ДОЛГАНОВА**
Фото **Олега КИРЮШКИНА**
и из архива Детского
музыкального театра имени Н. Сац